

Л. Гинзбург

**КОРОТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ
О НЕЗАБЫВАЕМЫХ ВСТРЕЧАХ
С АЛЕКСЕЕМ АНДРЕЕВИЧЕМ ЛЯПУНОВЫМ**

Для молодого человека 25 лет было большой честью приглашение полететь из Ленинграда в новосибирский Академгородок в 1970 году для встречи со знаменитым профессором. Одно упоминание этой фамилии, родственника того самого Ляпунова, который около ста лет назад основал теорию устойчивости, вызывало трепет.

Ехал я с докладом о моей подготовленной к защите кандидатской диссертации и с просьбой к Алексею Андреевичу быть моим оппонентом. Тогда многое было впервые: и долгий перелёт, и невероятный зимний мороз, снег около дорог такой высоты, что пешеходу не видно автомобилей, с прорезанными «воротами» для пешеходов. Алексей Андреевич прислал за мной машину (тоже впервые!), и привезли меня к нему в дом, который тоже произвёл впечатление. Члены-корреспонденты и тогда жили на уровне мировых стандартов.

На домашний семинар пришел Игорь Андреевич Полетаев и, насколько я помню, Вадим Ратнер и Юра Гильдерман. Мы потом встречались много раз и в Академгородке и на разнообразных совещаниях и школах. Но первое впечатление остаётся самым острым. На следующий день я повторил доклад в Институте математики, где было больше присутствующих. Алексею Андреевичу, к счастью, моя работа сразу понравилась, и на следующий день он уже разъяснял её всем слушателям с полным пониманием. Он согласился быть моим оппонентом, что было для меня большой удачей.

В тот памятный день за приглашённым обедом я познакомился с дочерью Алексея Андреевича Леной и её мужем Колей Воронцовым. Они были чуть старше меня, оба первоклассные биологи. Коля потом стал депутатом и Министром охраны окружающей среды в кабинете Горбачева. Они не раз бывали у меня в гостях в Нью-Йорке, и я приезжал в 1986 году в Москву, с докладом по

Колиному приглашению. Тогда в Кремле ещё висел на стене портрет Ленина, и я говорил с трибуны, украшенной гербом Советского Союза. (Фотографии произвели большое впечатление при моём возвращении).

Я встречался с А.А. Ляпуновым несколько раз на конференциях и семинарах по математической биологии. Зачастую можно было больше научиться от его комментариев на чей-то доклад, чем от самого докладчика. Он был первоклассный математик с прекрасной практической интуицией, достойной его прославленного имени. Его критика всегда была вежливой, мягкой, с полным уважением к докладчику. Такая критика всегда более эффективна, потому что её можно принять.

По состоянию здоровья Алексей Андреевич не смог приехать на защиту, но прислал замечательный отзыв. Без сомнения, его хорошая оценка помогла моему успеху.

Семидесятые годы были непростым периодом в истории советской математики. Официальная антисемитская политика нашла поддержку среди некоторых влиятельных членов Академии наук. Мне лично, например, не позволили поступить в аспирантуру на Ленинградском матмехе, несмотря на имевшуюся рекомендацию Учёного совета. Я подготовил диссертацию и защитил её без аспирантуры и без формального руководителя. ВАК не утверждал мою диссертацию более двух лет, а потом всё-таки утвердил под давлением странных обстоятельств, которые нет смысла здесь описывать. Такие великие русские учёные, как А.Н. Колмогоров (мне удалось с ним встретиться лично один раз в 1969 году на целых 30 минут в гостинице в Ленинграде, чтобы обсудить одну мою статью), Н.В. Тимофеев-Ресовский (я горжусь, что он меня называл Лёвкой), Н.Н. Моисеев (он меня звал переехать в Москву в 1975 году, но я тогда уже собирался эмигрировать) и, в первую очередь, А.А. Ляпунов противостояли гнусной тенденции.

Всё тепло и поддержку, которые я получил, невозможно забыть. Мировое признание русской математики обязано таланту и бескорыстной отдаче этого таланта такими людьми, как Ляпунов. Такому образованию, какое получило моё поколение в российских университетах, нет равного нигде. Моя глубокая благодарность моим учителям в Ленинграде и члену моего диссертационного совета А.А. Ляпунову не иссякнет никогда.

Недавно мои аспиранты сделали мне комплимент: сказали, что их *так* нигде математике не учили, что они не знали, что так вообще бывает. Мой ответ был, что меня *так* только и учили, и я во всем стараюсь подражать моим учителям.